

Грищенко Оксана Викторовна,
студентка Школы педагогики ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет», г. Уссурийск
Finik05@mail.ru

Карикатура как источник изучения визуального образа советского человека в сатирических рубриках уссурийской газеты «Коммунар» (1955–1965 гг.)

Аннотация. В статье рассматривается карикатура 1955–1965 гг., размещенная в уссурийской газете «Коммунар», как источник изучения личных и социальных негативных качеств советского человека. Были выявлены наиболее критикуемые пороки и недостатки, а также типичная символика изображений.

Ключевые слова: карикатура, газета «Коммунар», визуальный образ, советский гражданин, негативные качества.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

Еще в недавнем прошлом неотъемлемым атрибутом практически каждого советского издания, от районной малотиражки до центральной газеты, была карикатура. До сих пор у людей на слуху такие названия журналов, как «Крокодил» и «Ёж». Исследование материалов газеты «Коммунар» показали, что в ней активно печатается карикатура, которая появилась неожиданно на страницах первого выпуска газеты в 1955 г. Она с разной периодичностью публиковалась, но затем исчезла в 1965-м так же резко, как и появилась. О причине остается только гадать: то ли редакционная политика изменилась, то ли художник покинул редакцию.

Высмеивание негативных качеств гражданина и пороков советского общества при помощи визуальных средств позволяло пропагандировать должный образ советского человека, демонстрируя всю неприглядность асоциального поведения. Карикатура могла донести до читателей нюансы и детали, которые по каким-либо причинам не указывал автор газетного выступления в тексте, наглядно объяснить их, дать им оценку.

Несмотря на цензуру, явный идеологический заказ, советская карикатура все же представляла собой довольно мощное и самостоятельное явление. Сегодня карикатура постепенно уходит из традиционных СМИ. Заказ властей на карикатуру падает, если не отсутствует вовсе. В Интернете профессиональную карикатуру постепенно вытесняет другой тип изоанекдотов, а именно «народное творчество», демотиваторы, фотожабы, самодельный креатив. С одной стороны, любое изображение, которое обличает, высмеивает, осуждает, сознательно создает комический эффект, может быть формально причислено к карикатуре. С другой – требование к изображению, опубликованному в СМИ, гораздо выше и с точки зрения качества исполнения, и с точки зрения ответственности за содержание. В газетной карикатуре советского периода отсутствие анонимности и цензура налагали дополнительные обязательства и на её автора, и на газету. При этом карикатура – такой специфический вид искусства, который не только не старается избегать стереотипов, но выискивает их, акцентирует на них внимание, поэтому ориентация на «злобу дня» не является чем-то зазорным. Юмор состоит из определенных символов и ссылок, которые часто носят универсальный характер.

Впервые мы сталкиваемся с карикатурой на страницах «Коммунара» в новогодней заметке «Прощаясь со старым годом...», в которой говорится о недостатках общегородского уровня, которые не удалось преодолеть в прошедшем году. Каждая из

рассмотренных проблем сопровождается сатирической зарисовкой. К примеру: «пожелаем заведующей горкомхозом т. Кушнир отметить первый день Нового года в поселке сахарного комбината. Пусть поплутает по безымянным переулкам среди домов без номеров. Может быть, тогда снизойдет она до этих мелочей, о которых говорят и пишут уже, по меньшей мере, четыре года» [1]. Рядом с замечанием соответствующая карикатура, которая изображает заведующую в желаемой ситуации: на домах вместо номеров красуются вопросительные знаки, и дама с искаженным гримасой лицом спрашивает прохожего. Забегая вперед, отметим, что т. Кушнир представлена в данной карикатуре как нерадивый чиновник, а не как женщина; это существенное замечание, на наш взгляд, так как следует разграничивать порицание образа чиновника, не имеющего гендерных различий, и образа женщины.

Рис. 1. Прощаясь со старым годом...

С одной стороны, читатель не обязан соглашаться с мнением автора, но, с другой стороны, его реакция является целью воздействия визуального и текстового ряда, так как для дискредитации важно именно умаление авторитета. Согласие читателя с мнением автора или изменение его мнения о герое является условием успешности выбранной стратегии.

В рассмотренный период – с 1955 по 1965 г. – в газете было напечатано больше 100 разноплановых карикатур. Из общего числа мы выделили две отличных по объекту направленности группы: высмеивающие личные и социальные пороки.

Карикатура индивидуального характера создает образ как бы единичного случая, а именно одного хулигана или другого пьяницы, хотя и несет под собой раскрытие социальной проблемы всего общества, о чем еще нельзя было говорить открыто. 51 карикатура за рассмотренное десятилетие высмеивает личностные негативные качества.

В первую очередь необходимо отметить, что данная группа карикатур имеет четко определенную гендерную направленность. Только в трех из этих рисунков фигурирует женщина как воплощение жульничества, но не один из них не посвящен конкретно женщине, а точнее, не смеет выставить на поругание все еще идеализированный образ советской женщины. Как пишет М. С. Петров, «вся репрезентация женского сводилась, как правило, к одному образу – “Женщина-Мать”» [2], поэтому если женщина и изображалась в такой карикатуре, то только как слабый пол и на второстепенной позиции. Например, февральская карикатура за 1958 г. «Конец карьеры грабителей» [3] обрисовывает уличную сцену: трех лодырей – грабителей жуткого вида, окруживших женщину преклонных лет, один из которых ухватился за ее платок, а другой сунул руку в котомку. Сама же она присела от испуга и неожиданности с лицом невинного ребенка.

Рис. 2. Конец карьеры грабителей

С одной стороны, напрашивается вывод, что женщины не проявляли себя в негативных аспектах, но, с другой стороны, как замечает А. А. Попова, «значимость пола, а именно: ни демографическая диспропорция, ни женский подвиг – не изменили гендерную ситуацию – образцовым советским гражданином мыслился мужчина, из чего следует, что основные воспитательные и идеологические тенденции были направлены не иначе как на него» [4].

Поскольку карикатура – это в первую очередь рисунок, а не, например, фотография, то ее направление и характеристики задавались без труда. Поэтому текст к ней – это повторение очевидного факта, так как изображение отрицательного героя передает всю сущность его и той социальной проблемы, которую он представляет. Мужчина, который характеризуется положительно, будет изображен, согласно принятой норме, на фоне своего орудия труда: станка, автомобиля или совместно с ним: лопатой, портфелем и т. п. По сути, не так значимо, что служило антуражем его изображения, ведь что бы то ни было – это продолжение мужской советской натуры, всегда деятельной и полезной социуму. А вот у отрицательных героев имелись свои особые грани.

Описательные характеристики пьяницы в данном жанре соответствуют общепринятому канону: неряшливая одежда, небритое лицо и непременный красный нос. Пьяницы, которые чаще всего и выступают в роли хулиганов, в данной группе иллюстраций изображены не причиняющими непосредственного вреда обществу, а в роли типичного антисоветского человека. Обязательным атрибутом их изображения является бутылка или сигарета. Конечно, в данный период времени страна не знала никакой антитабачной компании, но вот для воссоздания антигероя «никотиновая палочка» стала устойчивым признаком лени и безделья. В «Коммунаре» канон, олицетворяющий пьяниц, еще более конкретен, возможно, автор-карикатурист И. Храпко взял за образец однажды увиденного в жизни персонажа, так как все они попадают под одно и то же описание: мужчина лет сорока, брюнет, среднего роста, в клетчатой рубашке и полосатых брюках.

Рис. 3. Борис Петрович вернулся домой...

Если воссозданный образ показывает хулигана в нетрезвом виде, то данный индивид будет также помят, не брит, с растрепанными волосами и раскрытым ртом, из которого раздаются песни и брань. При этом мы намеренно отделяем этот типаж от простого пьяницы, так как он не только являет собой антисоветское поведение, но и нарушает закон, учиняя погромы и драки. Поэтому информация такого рода берется редактором из милицейского отчета, а затем иллюстрируется в печати.

Рис. 4. Шумел камыш, деревья гнулись...

Если же хулиган таков по своей природе, то он скорее изображается щегольски, чем неряшливо, но все же выглядит непривлекательно, так как его лицо выражает грубость и спесивость характера. В этом отношении можно сделать вывод, что уже в 50-е гг. даже в провинциальном городе Уссурийске появляются зачатки «стиляжничества», которое подвергается критике. Сам термин «стиляга» стал известным благодаря Д. Беляеву, чей фельетон «Типы, уходящие в прошлое» был опубликован в журнале «Крокодил» в 1949 г. [5] Конечно, это еще не полноценный стиляга, но намек на него уже четко просматривается в образе такого хулигана: его одежда отличается небрежностью и узорностью, из-под брюк клёш торчат полосатые носки, осанка выдает надменность и пренебрежение окружающими, нос вздернут, а рот искривлен в усмешке. Как уточнялось ранее, окружение главного героя сцены всегда не случайно, вот и здесь хулиган-стиляга изображается рядом с представительницей женского пола, т. е. он не просто так оказывается на улице разряженный и самодовольный, а

выходит на «охоту», где своими попытками привлечь внимание понравившейся особы нарушает общественный порядок и покой. В этом случае визуальные образы могут отражать такие трудноуловимые в письменных источниках аспекты социальной действительности, которые кажутся современникам само собой разумеющимися, общеизвестными и именно поэтому не акцентируются в текстах.

Рис. 5. С такой славой далеко не уйдешь!

Тип тунеядца и бездельника – это мужчина, позволивший себе «пивной» животик, с беззаботным лицом и пухлыми губами, обязательно лежащий на кровати, что касалось не рабочих специальностей, а скорее интеллигенции, которая бичевалась без стеснения. Самой яркой и не нуждающейся в подписи, на наш взгляд, является карикатура «Настоящий иждивенец». На ней изображен мужчина, лежащий на кровати в расслабленной позе, а вокруг него разыгрывается целое действо: бабушка читает вслух сказки, другая женщина (скорее всего, мать персонажа) держит орущее радио, дедушка – газету, а отец прикуривает иждивенцу сигарету. И под картиной подпись: « – Что вы меня пичкаете своей духовной пищей! Лучше б пол-литра дали» [6]. К подобному же разряду социума относились и нарушители трудовой дисциплины, т. е. люди работающие, но так, что лучше бы они не занимали это место попусту. Такими были так называемые «бракоделы», которые изображались уже не в постели, а на рабочем месте, но в той же непринужденной позе загорающего и с уже известным атрибутом лени – сигаретой, прожигаящими столь драгоценное для строителя коммунизма рабочее время.

Рис. 6. Настоящий иждивенец!

Если же нарисованный мужчина был полным, но низкого роста и с «масляным личиком», в солидном костюме, в обстановке присутственных мест – это скорее признак казнокрада, бюрократа, взяточника и «хапуги». Под одной из таких карикатур написано: «Сродни ему бездушный бюрократ – чиновникам губернским брат. Он занят музыкой, а ты покорно жди и “Без доклада не входи!”» [7]. Лицо такого «товарища» представлялось алчным, иногда даже сходным с поросычьим рылом, а на голове лишь небольшая поросль волос. Если упор делался на его бюрократические качества, то неперенными спутниками этого эпизода были стол и бумаги, если на казнокрадство и взяточничество – то деньги. Еще одной на первый взгляд небольшой деталью подобной карикатуры является кресло. Такое кресло, на наш взгляд, олицетворяет удобное и насиженное место начальника или директора, даже если в нем уже тесно, он такую роскошь никому по собственной воле не уступит. Посетители в его кабинете – «простые смертные» – сидят на маленьких неудобных стульчиках или вообще стоят в ожидании под запертой дверью.

Можно даже встретить характеристику чиновника в карикатуре без его личного, прямого описания, например, в карикатуре за 1960 г. под названием «Неуловимый начальник» главным действующим лицом становится дверь с объявлением «Сегодня приема нет. 1960. Шкода», из-под которого выглядывает аналогичная листовка, но за 1959 г. Вокруг этого безобразия столпились работники в недоумении – «Старая реклама с нового года – нет приема у т. Шкоды» [8].

Рис. 7. Старая реклама с нового года – нет приема у т. Шкоды

Основные негативные качества в изображениях газеты «Коммунар» – это отрицательные характеристики, свойственные мужчинам, которые подлежали перевоспитанию, а их качества – искоренению из советской реальности. Иллюстративный ряд высмеивал целый ряд асоциальных типов: рвачей, бракоделов, лодырей, тунеядцев, стяжателей, взяточников и бюрократов, воров, хулиганов, жуликов, нарушителей трудовой дисциплины, пьяниц и т. д.

Спецификой карикатуры, и в частности опубликованной на страницах газеты «Коммунар», является то, что она призвана по своей природе быть мощнейшим средством формирования общественного мнения. Небольшая картинка может оказать более сильный эффект, нежели множество серьезных аналитических статей, поскольку выступает индикатором настроений, способным в комплексе образов аккумулировать коллективные ассоциации и опыт.

Вторую группу карикатур, составляющих практически половину от общего числа – 49 рисунков, мы обозначили как общесоциальную, выражающую политическую, управленческую, общественную проблематику. Карикатура открыто указывает

на масштабность проблемы и необходимость её решения. А для этого следует знать истоки социальной проблемы, поскольку советское общество заинтересовано в выявлении причин и виновников возникновения «недоразумения».

Очевидная цель таких картин – упрек местной власти, администрации или другому органу, отвечающему за исправность работы обслуживающих институтов города. К такому относятся: жилищно-коммунальное хозяйство (14 рисунков), торговая деятельность (19), домостроительство (6) и благоустройство улиц (10 карикатур). Характерно, что здесь карикатуристы не пощадили и женщин, даже наоборот: слабый пол, олицетворяющий и сейчас сферу торговли, в данном случае был хорошо «пропесочен».

Необходимо отметить, что изображение общесоциальных проблем всегда сопровождается конкретизацией отраженного в карикатуре места: «...поищите напротив кинотеатра “Заря” вывеску “Флодоовощной магазин № 51”... Запомните этот магазин!» [9] или «Не подумай, читатель, что это загородная мусорная свалка. Так выглядит двор по ул. Пушкинской, 31, ведает которым домоуправление № 1 райКЭЧ» [10].

Мы выделили также карикатуры с сочетанием вербально-визуального взаимодействия символов, правда, непосредственно прямая речь в рисунках «Коммунара» не встречается как часть образа, а вынесена за его пределы. А-М. Ариас в работе «Поликодовый текст как семиотико-семантическое и эстетическое знаковое единство (на примере немецкой карикатуры)» выделила пять возможных вариантов такого взаимодействия в карикатуре. В нашем случае присутствует только два первых вида взаимодействия самого образа и текста картины – это интегративные отношения (вербальный компонент невозможно отделить от визуального без потери смысла обоих компонентов) и дополнительные отношения (вербальный компонент поясняет, уточняет, конкретизирует смысл визуального компонента) [11].

В первом случае главную смысловую нагрузку карикатуры несет как раз текст: карикатура уже известного нам И. Храпко очерчивает вход в местный продмаг, из окна которого курит ее завмаг, а на двери огромными буквами выведено объявление: «Рыбы, мяса, масла, мыла, овощных и фруктовых консервов НЕТ!!!» – и уже под рисунком пояснение: «Завмаг: – Ну вот, объявление вывешено, теперь никто не скажет, что я не умею культурно торговать» [12].

Рис. 8. Продмаг

В дополнительных отношениях вербальная составляющая конкретизирует отображенное явление и даже придает ему более утрированную окраску, хотя смысл был бы

понятен и без таковой. Одна из карикатур обличает весь ужас, творящийся в общественной бане, и такую же запущенную, щелкающую семечки кассиршу – проблема налицо, но к этому добавлена надпись на закрытой амбарным замком дверце «Книга жалоб бани» [13]. Или пустые полки магазина с покупателями и продавщицей – тоже обычная для того времени и понятная всем без исключения ситуация, но карикатурист добавляет «перцу» вывеской «овощей НЕТ, картофеля НЕТ, хлеб бывает... (иногда)» [14].

К 1965 г. карикатура уходит со страниц «Коммунара», что подтверждает предположение А. С. Айнутдинова о том, что «сатирический рисунок в большинстве случаев, как подтвердила практика, носит случайный, не систематический характер в газете или журнале. Он подвержен риску исчезновения с полосы в любую минуту. Впрочем, точно так же, спонтанно, он может там появиться» [15].

Таким образом, можно утверждать, что карикатура является способом художественной типизации с использованием критически направленного преувеличения и подчёркивания негативных сторон жизненных явлений или лиц. Во время хрущевской оттепели она высмеивала такие пороки общества, как лень, хулиганство, пьянство, но больше всего – недобросовестное исполнение своих обязанностей. Обилие и разнообразие карикатуры говорит о том, что она имела большой воспитательный потенциал хотя бы потому, что привлекала к себе внимание большого количества разновозрастной публики. Следовательно, под воспитательной функцией можно понимать формирование при помощи карикатуры положительных нравственных чувств и убеждений. Высмеивая отрицательные черты и явления, карикатура тем самым критически относилась к окружающей действительности и направляла читателя стремиться стать идеальным гражданином советского общества.

Показательна карикатура, изображающая уже спящего человека, падающего к нему собутыльника с рядом стоящей свиньей и подписью «Хоть рядом с пьяницей – свинья, но если лучше вдуматься, друзья, то этого сравнения будет мало, когда учесть, что у свиньи есть сало» [16]. Данное сравнение характерно для карикатуры и, шире, выступает как выигрышный приём идеологической борьбы. Объявить кого-то животным и даже меньше того – значит продемонстрировать его низшее положение, а значит, морально победить. Также авторы хотели продемонстрировать всю ничтожность и убожество таких персонажей и тем обратить их на верный путь. Более того, карикатура здесь вообще не ставила перед собой задачу рассмешить. Чем важнее показываемая проблематика, тем менее развлекательным становится изображение.

Цели, которые ставили перед собой карикатуристы газеты, не всегда столь радикальны; случалось, что карикатура несла в себе развлекательный, а не сатирический смысл, однако встречалась несоизмеримо реже.

Ссылки на источники

1. Устюжанина В., Иванов Я. Прощаясь со старым годом // Коммунар. – 1955. – № 1. – 01 янв.
2. Петров М. С. Эволюция образа женщины в отечественной журналистике (на примере контент-анализа журнала «Крестьянка») // История и наука о культуре. – 2010. – № 7. – С. 41.
3. Лихач Н. Я. Конец карьеры грабителей // Коммунар. – 1958. – № 24. – 02 февр.
4. Попова А. А. Журнал «Крокодил» как исторический источник по реконструкции визуального негативного образа советского мужчины в первое послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.) // Омский научный вестник. – 2012. – № 2. – С. 42.
5. Карпова Ю. Б. Молодежная мода в официальной советской сатире на примере журнала «Крокодил» // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – Т. 189. – С. 40.
6. Лихач Н. Я. Настоящий иждивенец! // Коммунар. – 1958. – № 103. – 25 мая.
7. Релина Н. Новогодний уголок Метлы // Коммунар. – 1964. – № 1. – 01 янв.
8. Протиркин А. Неуловимый начальник // Коммунар. – 1960. – № 7. – 10 янв.
9. Лихач Н. Я. Не верь глазам своим... // Коммунар. – 1957. – № 192. – 27 сент.

10. Метляева В. Не двор, а мусорная свалка // Коммунар. – 1959. – № 59. – 24 марта.
11. Ариас А.-М. Поликодовый текст как семиотико-семантическое и эстетическое знаковое единство (на примере немецкой карикатуры) // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2011. – № 6. – С. 63–64.
12. Храпко И. Продмаг // Коммунар. – 1958. – № 98. – 18 мая.
13. Храпко И. В бане – грязь // Коммунар. – 1957. – № 223. – 08 ноября.
14. Варсук Л. Больше заботы о покупателях // Коммунар. 1959. – № 35. – 17 февр.
15. Айнутдинов А. С. Типология и функции карикатуры в прессе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 21. – С. 20–28.
16. Герман П., Релиной Н. Новогодний уголок метлы // Коммунар. – 1964. – № 1. – 01 янв.

Oksana Grishchenko,

Student, School of Pedagogy, Far Eastern Federal University, Ussuriisk

Finik05@mail.ru

The visual image in the “Kommunar” newspaper

Abstract. The paper discusses the caricature of 1955-1965 printed in the Ussuri newspaper “Kommunar” as a source of personal and social study of negative qualities of a Soviet man. The author identifies the most criticized flaws and shortcomings, as well as the typical symbols of images.

Key words: cartoon, newspaper “Kommunar”, visual image, Soviet citizen.

References

1. Ustjuzhanina, V. & Ivanov, Ja. (1955) *Proshhajas' so starym godom*, Kommunar, № 1, 01 janv. (in Russian).
2. Petrov, M. S. (2010) “Jevolvucija obraza zhenshhiny v otechestvennoj zhurnalistike (na primere kontent-analiza zhurnala ‘Krest’janka)”, *Istorija i nauka o kul'ture*, № 7, p. 41 (in Russian).
3. Lihach, N. Ja. (1958) “Konec kar'ery grabitelej”, *Kommunar*, № 24, 02 fevr. (in Russian).
4. Popova, A. A. (2012) “Zhurnal ‘Krokodil’ kak istoricheskij istochnik po rekonstrukcii vizual'nogo negativnogo obraza sovetskogo muzhchiny v pervoe poslevoennoe desjatiletie (1945–1955 gg.)”, *Omskij nauchnyj vestnik*, № 2, p. 42 (in Russian).
5. Karpova, Ju. B. (2010) “Molodezhnaja moda v oficial'noj sovetskoj satire na primere zhurnala ‘Krokodil’”, *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, t. 189, p. 40 (in Russian).
6. Lihach, N. Ja. (1958) “Nastojashhij izhdivenec!”, *Kommunar*, № 103, 25 maja (in Russian).
7. Relina, N. (1964) Novogodnij ugiok Metly, *Kommunar*, № 1, 01 janv. (in Russian).
8. Protirkin, A. (1960) Neulovimyj nachal'nik, *Kommunar*, № 7, 10 janv. (in Russian).
9. Lihach, N. Ja. (1957) Ne ver' glazam svoim..., *Kommunar*, № 192, 27 sent. (in Russian).
10. Metljaeva, V. (1959) Ne dvor, a musornaja svalka, *Kommunar*, № 59, 24 marta (in Russian).
11. Arias, A.-M. (2011) Polikodovij tekst kak semiotiko-semanticheskoe i jesteticheskoe znakovoe edinstvo (na primere nemeckoj karikatury), *Izvestija Sankt-Peterburgskogo universiteta jekonomiki i finansov*, № 6, pp. 63–64 (in Russian).
12. Hrapko, I. (1958) Prodماغ, *Kommunar*, № 98, 18 maja (in Russian).
13. Hrapko, I. (1957) V bane – grjaz', *Kommunar*, № 223, 08 nojabrja (in Russian).
14. Varsuk, L. (1959) Bol'she zaboty o pokupateljah, *Kommunar*, № 35, 17 fevr. (in Russian).
15. Ajnutdinov, A. S. (2008) Tipologija i funkcii karikatury v presse, *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 21, pp. 20–28 (in Russian).
16. German, P. & Relinoj, N. (1964) Novogodnij ugiok metly, *Kommunar*, № 1, 01 janv. (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Лихаревой О. А., кандидатом исторических наук;

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,

главным редактором журнала «Концепт»

www.e-koncept.ru

Поступила в редакцию Received	18.03.15	Получена положительная рецензия Received a positive review	23.03.15
Принята к публикации Accepted for publication	23.03.15	Опубликована Published	22.06.15

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2015

© Грищенко О. В., 2015